

К.А. Абульханова-Славская

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В условиях социального и экономического кризиса общества, резких перемен, связанных с утратой одних и дискредитацией других ценностей, духовная, нравственная сохранность общества начинает зависеть от реального состояния его психологии. Если социологи могут раскрыть состав, динамику и кризис ценностей, то психологи должны прежде всего иметь в виду личность как источник, основание и носителя ценностей, как самооценку, поскольку именно от того, каковы психологические механизмы функционирования ценностей, каков нравственный склад личности и ее сознания, зависит в конечном итоге ценностно-нравственное состояние общества.

Философские взгляды на личность сегодня оказались весьма противоречивы, поскольку одни по-прежнему рассматривают ее как суверенного субъекта этических выборов, а другие - как "винтик" и объект социальных и управленческих решений [16]. Это требует от психологии дифференцированного подхода к личностям, фиксирующего реальность разнообразия психических и личностно-ценностных складов разных людей, сформировавшихся в разнообразных условиях жизни общества.

Гуманистический подход к личности требует анализа и осмысления ценности личности, ее осознания своей ценности и ценности других людей и, наконец, признания ее ценности другими людьми. Возможность такого подхода открывается на основе философской концепции С.Л. Рубинштейна, который, преодолев схоластическую абстрактность философской антропологии, включил этический подход в контекст индивидуальной и социальной жизни и дал направление для изучения ее субъекта в диалектической противоречивости его ценностно-этических отношений [17].

В дискуссиях по проблемам этики [16] обнаружилось две противоположные позиции, одна из которых требовала разграничения абстрактных и конкретных ценностей, а другая - их отождествления. С точки зрения психологии между абстрактными, не имеющими временных измерений, "вечными" ценностями и конкретикой поведения людей в реальных исторических ситуациях находится определенный "слой" ценностных отношений людей, представляющий собой основу ценностного самоопределения личности. Эти отношения характеризуются не столько категориями добра и зла, сколько своеобразной семантикой, особыми для данного общества или его групп ценностными комплексами, синтезом значений.

"Жизнь ради труда" или "труд ради жизни", "выгода ради блага", "труд ради отдыха" (что характерно, например, для образа жизни французов) - типичные для того или иного общества ценностно-практические формулы, в которых выражаются ценностные соотношения цели и средств, главного и второстепенного. Среди таких формул существуют более обыденные и частные, например "вредно, но приятно" или более принципиальные - "маргинальность и одиночество как способ выживания при социализме" (формулы венгерского и болгарского общества на недавнем этапе их развития), которые не обязательно получают вербальное оформление, но для каждой личности становятся своеобразной ценностной ориентацией.

В прошедшие эпохи такие синтезы были связаны с определенными нравами, ритуалами, условностями и стандартами поведения (кодексы чести, авторитетные отношения, требовавшие при их нарушении удовлетворения и т.д.). Образцы их прекрасно проанализированы Ю.М. Лотманом. Но для нашего анализа главным оказывается то, что в этих формулах ценности не рядоположены и даже не иерархизированы, а связаны в некоторый смысловой комплекс.

Однако такие семантические формулы не являются однозначным руководством поведения, поскольку каждый имеет свои жизненно-практические комплексы, складывающиеся в его прошлой жизни и выражающие устремления в будущее. Поэтому на индивидуальном уровне личность сталкивается с фактом многочисленных ценностных

противоречий, составляющих основу психологического анализа. Что происходит, когда один человек относится к другому, признавая ценность его личности, а другой отрицает его ценность, относится к нему как средству, "общественной функции", по выражению Рубинштейна? Что происходит с личностью, желающей реализовать свою ценность, когда она включается в отношения, ей противоречащие? (Человеку предлагается участие в профессионально значимых ситуациях, делах, но он должен пожертвовать своим достоинством или профессиональной принципиальностью и т.д.).

На уровне личности эти противоречия становятся задачами, складывающимися объективно или формулируемыми субъективно. Часто личность должна определить для себя условия и требования, при которых задача может быть решена *приемлемым* с точки зрения ее ценностей образом. Личность дает свое согласие на то, что ей в жизни предлагается или от нее требуется, будучи готова заплатить за это цену, не превышающую ее нравственного "порога", пожертвовать второстепенным ради главного. Однако, говоря о нравственном выборе, редко выявляют, когда он исключается вообще, поскольку находится ниже ценностного порога личности, или, напротив, не учитывают, что сама личность должна подняться нравственно, чтобы сделать такой выбор. Забывают о том, что нравственный выбор совершается не из наличных равновеликих альтернатив, а чаще всего состоит из создания новых смысловых отношений, которые радикально преобразуют ситуацию в целом.

Итак, для данной личности главным является критерий ценностной приемлемости, по которому она либо вообще отвергает ситуацию "с порога", либо включается в нее, но совершает ее ценностно-смысловые *преобразования* до тех пор, пока та не становится ценностно-приемлемой и разрешимой. С точки зрения психологии важны и те нравственные *усилия*, которые совершаются личностью, и ее *достижения* — построение ценностных отношений.

Но главным оказывается наличие психологических механизмов, которые *обеспечивают* "достижения", имеющие место при решении нравственных задач. Некоторые из них решаются ценой величайшего личностного напряжения, своеобразных нравственных побед над окружающими, жизнью и даже самим собой, другие решения достигаются путем выявления, осмысления, осознания скрытых противоречий, силой и глубиной нравственного мышления, а третьи демонстрируют нравственную стойкость личности, ее "толерантность" к жизненно-ценностным противоречиям.

Исследование М.И. Воловиковой и О.П. Николаевой раскрыло типологические варианты решения моральных задач при условии варьирования жесткости семейно-нравственных норм. Одновременно с раскрытием типологической картины, которая показывает, что в одних случаях решение достигается ценой интеллектуальных, в других - личностных усилий, а в третьих вообще не совершается из-за отсталости умственного развития, выявилась глобальная картина соотношения общественного и индивидуального уровней морального сознания. При отсутствии должной правовой оснащенности общества и ценностных норм в общественном сознании они начинают компенсироваться на уровне индивидуального сознания. Отсутствие правового государства приводит к переносу социальных проблем на уровень индивида и превращению правовых проблем в моральные. Проблемы не только "спускаются" на личностный уровень, но и решаются в индивидуальном порядке. Но это, в свою очередь, означает возрастание числа ценностных противоречий, так как нравственные кодексы разных людей значительно различаются. Приемлемое для одного оказывается неприемлемым для другого. Но одновременно с тем, что личностный уровень становится своеобразным эпицентром нравственно-ценностных, социально-ценностных проблем и личность оказывается перед лицом ответственности за свои решения, реальная степень развития ее ответственности может не всегда соответствовать и не всегда обеспечивать возможность принятия этих решений.

Почему речь заходит именно об ответственности как личностном основании ценностных решений, поступков? Вслед за Кольбергом и другими авторитетами мы

рассматриваем ответственность как форму внутреннего принятия необходимости и добровольность ее реализации. Чем более необходимость остается внешней, тем более личность не свободна в способах ее реализации и мере принятия. Она то противостоит этой необходимости, то пассивно подчиняется ей. Таким образом, механизм осуществления необходимости в значительной степени зависит от принятия ее самой личностью в иерархии ценностей, среди которых независимость от внешних обстоятельств и давлений занимает определенное место. Наши совместно с Л.И. Дементий [9] исследования ответственности обнаружили, что она непосредственно связана с такими фундаментальными личностными качествами, как самостоятельность, уверенность, способность к самоконтролю. Одним из важнейших качеств ответственной личности является обращенность требований к самой себе (а не к окружающим, как правило, со склонностью к их обвинению). Ответственную личность характеризует готовность к преодолению трудностей, независимость от окружающих - их оценок, влияний, способность четко оценивать свои возможности (и недостатки) в разрешении конкретной ситуации.

Ответственная личность гарантирует достижение результата своими силами, невзирая на непредвиденные обстоятельства, трудности. Однако и типологическое изучение ответственности и ее изучение на различных возрастных этапах показывает, что в семейном развитии личность получает социальную независимость (от родителей) раньше, чем становится способной к социальной самостоятельности и может принять за нее ответственность. Если инициативы начинают развиваться в школьном возрасте, несмотря на блокаду социально-психологических принципов (например, принцип "не высовываться"), то ответственность складывается в основном в студенческом возрасте, когда возникают основы для первого профессионального самоопределения, самостоятельности. У людей разных типов в этом возрасте обнаруживаются своеобразные "профили" ответственности, из которых только один (представленный небольшой численностью) оказывается оптимальным согласно приведенным выше критериям.

Таким образом, в ценностном состоянии общества мы обнаруживаем в ходе конкретных исследований существенное противоречие: с одной стороны, на индивидуальном уровне идет морально-ценностная компенсация при недостаточной правовой социализации, с другой, нравственные проблемы скорее ставятся, чем решаются, поскольку способностью к их решению обладает лишь личность с развитой ответственностью.

Однако способность к нравственным решениям и поступкам связана, как отмечалось, с одной стороны, с уровнем мышления, которое называют моральным или социально ориентированным, т.е. решающим задачи человеческих взаимоотношений, и с другой - с общим нравственным складом личности. А последний, как мы выявили в исследованиях, цементируется прежде всего ответственностью. Развитая ответственность связана с осознанием своей независимости, самостоятельности, иногда даже своего одиночества. Именно поэтому такой человек в разрешении противоречий и проблем жизни опирается не на других людей, не на обстоятельства, а на себя, на свои ценности, преимущественно духовные. Его определенная свобода от обстоятельств, абстракция от условий сопровождается акцентированием возвышенного в его сознании, созданием духовных опор. Поэтому и удовлетворяется он сознанием своей духовной силы, своей нравственной стойкости, иногда даже сознанием своей нравственной избранности, долга, который не способен, по его мнению, выполнять все остальные в обществе.

Напротив, тип, который мы назвали "безнравственным", побуждается прежде всего своим противостоянием другим, обществу в целом как не способным удовлетворить его потребности и притязания. Отсюда акцентуация рискованного, противоправного, открыто негативного поведения и наличие критического, подчас циничного сознания. Так, например, девиантный тип удовлетворяется прежде всего нарушением норм.

Таким образом, кроме ценностной приемлемости (неприемлемости) существуют

некоторые ценностные интерпретации или даже акцентуации у полярных по своему нравственному складу типов, которые имеют своими корнями притязания, жизненную диспозицию и, по выражению В.А. Ядова, способ их удовлетворенности.

В наших многочисленных исследованиях мы изучали личность ребенка в совокупности тех условий - семьи, игр, школы, - в которых при том или ином сочетании этих условий происходит формирование того или иного ценностно-личностного типа. Изучались представления ученика о справедливости учителя, его потребности в оценках учителей и родителей, представления учителя о личности ученика, потребность учеников в оценке их личности и их потребность оценивать товарищей.

В исследовательских традициях некоторых стран (например, Венгрии, Финляндии и др.) социологический и психологический подходы практически не дифференцированы. Поэтому изначально социально определенные слои родителей, типы школ изучаются с точки зрения их ориентаций на ценность образования для детей, на ценность (и потому престижность) профессии учителя; изучается мотивация к учебе, которая как эстафета поколений передается детям, и далее - мотивация к учению самих детей, их взаимоотношения в классе, противоречия их ценностных ориентаций и взаимоотношений с учителем. При этом развитие их личности, сознания и характер интеракции соотносятся с вполне определенными, назовем их ценностно-семантическими, структурами семейных, школьных и более широких жизненных отношений.

Отечественной психологии не свойствен такой подход в условиях значительной изолированности исследований. Строго говоря, до сих пор не изучена, скажем, эволюция взаимоотношений детей в условиях дисциплинарного, ориентированного сугубо на обучение, а не воспитание, на послушание, а не самостоятельность способа образования, существовавшего все эти годы. Педагоги, ориентированные на режим обучения, оценок, не знают психологии личности ни теоретически, ни практически. Поэтому они не могут ни квалифицировать личность, с которой сталкиваются в начале обучения, ни прогнозировать пути ее развития (стихийного или под воздействием учителя), ни проектировать эту личность посредством воспитательных воздействий. Однако и сами педагоги (и как личности, и как продукты определенной системы профессиональной подготовки с ее подчас суженными целями, и как члены определенного общества) оказались наделены четкими структурами сознания, которые нам удалось выявить в своем исследовании. Авторитарная система управления породила своеобразное, совершенно неосознаваемое представление о людях как объектах управления, которыми манипулировали без учета их личности. Эти люди привыкли представлять других как объекты. Такой способ мышления и действия оправдан в условиях ориентации на исполнение, а не на обсуждение разногласий. Такой порядок необходим управленцам для поддержания организованности и функционирования системы. Однако там, где речь идет о человеческих отношениях, которые должны иметь своей целью воспитание самостоятельности, ответственности, социальной зрелости людей, необходимо отношение к ним как субъектам. Наше исследование показало, что именно учителя не были способны на такое отношение к ученикам.

Изучение учителей младших классов выявило, что они обладают некоторым дефицитом сознания, который трагически сказывается на формировании личности ученика. Нормальное сознание должно иметь три структуры, отражающие отношение человека *к себе*, *к другим* и *ожидание отношения других* к себе (атрибутивная проекция). У педагогов отсутствует последнее, т.е. важнейшее для воспитателя ожидание отношения ребенка к себе, готовность реагировать на его доверие, потребность в его любви и уважении. Поэтому они рассматривают ученика только как объект своего управленческого воздействия (чем больше тот является субъектом, готовым проявить любознательность, характер, волю, тем труднее педагогу "навести порядок" в классе, поскольку он не владеет искусством руководства групповыми отношениями). Поэтому ребенок, приходящий в школу с установкой на нового взрослого, которого он готов

полюбить, открытый и доверчивый, встречая авторитарное поведение учителя, полное игнорирование своей личности, начинает "закрываться", теряет доверие. Если же это ребенок с акцентуацией характера - немножко невротик, немножко истерик, немножко баловень, то он начинает проявлять и черты негативного, демонстративного, вызывающего поведения. Учитель же, заведомо не желающий распознать особенности характера ученика с самого начала, видя свою педагогическую неуспешность, начинает давать ход раздражению. При этом война характеров заканчивается двойной блокадой: со стороны учителя и со стороны ученика. Так и формируется впоследствии могущий стать девиантным тип с вызывающим, нарочито конфронтующим поведением.

Выявилось, что к подростковому возрасту потребность ребенка в оценке своей личности возрастает, и, как показало наше совместно с Х. Йоловой [11] исследование, он ожидает оценки своей личности, способностей, интеллекта от родителей. Однако родители, проявляя склонность к конформизму, начинают подравнивать свои оценки к педагогическому способу оценивания, т.е. формулируют их в категориях отметок. Эмпирические данные показывают, что у детей, которые получают оценки своего интеллекта, развитие происходит интенсивнее, чем у того, кто их не получает.

Эти исследования подвели нас к изучению комплекса оценочных отношений, существующих между самими детьми, между детьми и родителями и т.д. Именно характер этих оценок, как мы убедились эмпирически, и составляет предпосылку ценностных взаимоотношений.

Несомненно, что именно оценивание человека есть та способность сознания, которая отвечает потребности в общении, познании своего "Я" глазами других. Однако, как показало исследование, во-первых, сами оценки чрезвычайно аморфны, не диалектичны; во-вторых, потребность личности в оценках и оценивании либо не развита, либо не удовлетворяется. Ребенку не дается в этих оценках критериев, ориентиров и для коррекции отношений, и для понимания их идеального, перспективного, вообще ценностного плана. Они часто строятся только на поведенческих, а не на мотивационных и тем более не на личностных критериях. Поэтому личности трудно выработать свои и уловить критерии окружающих, она не способна сформировать диалектическое мышление, воспринимающее противоречивость, сложность и потому глубину взаимоотношений. Этот процесс сопровождается примитивизацией языка.

Однако в целом здесь выявилось весьма характерное противоречие: неудовлетворенная потребность в оценках своей личности приводит к повышенной потребности оценивать других, а отсутствие ценностного содержания в стандартных эталонах оценок, в свою очередь, приводит к пустопорожним обсуждениям, сплетням, т.е. фактическому сличению этих обедненных стандартов, оценочных клише. Сплетни имеют своим основанием неспособность к обмену оценками из-за отсутствия разнообразия мнений. При этом люди начинают испытывать потребность и удовлетворенность только при условии совпадения таких клише [12].

В целом потребность ребенка в ценностном отношении и его проявлениях - оценке своей личности, ее признании, квалификации ее проявлений, - не будучи удовлетворена ни педагогом, ни родителями, постепенно уходит вглубь его личности и претерпевает превращения. Происходят деформации ценностно-личностного сознания и всего склада личности. Происходит типологическая, биографическая негативная эволюция в ценностном отношении к себе, другим и восприятию других. Один тип вообще блокирует свою потребность в оценках; получая их, он так бурно реагирует эмоционально, что испытывает сбой в деле, в общении, начинает внешне вести себя совершенно неадекватно. Для другого становится болезненной именно внешняя "граница" его личности, развивается большое самолюбие. Раз его не оценивают другие, он начинает переоценивать самого себя или, напротив, еще более настойчиво ищет успеха, внимания, одобрения в глазах других. Так создается акцентуация на себя или на других, связанная с поиском источника удовлетворения, одобрения. Тот, кто начинает зависеть от похвал, не терпит

критики. Диалектика оценок и самооценок в силу отсутствия диалектики, тонкости критериев оценивания, отсутствует, не развивается. Иногда, не получая удовлетворяющих их оценок, подростки начинают повышать уровень критичности к окружающим. Кто оценивает их плохо, квалифицируется негативно. Однако болезненное самолюбие - это не то, которое В.Г. Белинский описал как великий рычаг в душе человека [1, с. 24]. Завышенная самооценка ведет к появлению необоснованного права судить других, снижению потребности помогать им. При изучении ответственности выявился один немногочисленный тип, характеризующийся принятием ответственности за других.

При отсутствии адекватного представления о себе некоторые легко поддаются навязанному или случайно найденному внешнему образцу — имиджу хулигана, забияки, циника, тогда как вначале эти черты совершенно не были присущи внутреннему складу их личности. Особенно у подростков становятся популярны эталоны циничного поведения, которые усваиваются и присваиваются так легко именно потому, что не сформировано представление о себе, адекватное их личности, через оценки и ценностные отношения окружающих.

Неспособность быть самим собой и ценностным образом выразить себя приводит к сугубо поведенческим, беспроблемным отношениям с другими людьми. Отсутствие внутренне мотивированного, личностно обоснованного поведения по существу есть начало ценностно-нравственной беспринципности, которая, в свою очередь, порождает и внутренние противоречия и противоречия в общении [10].

Обнаружив такую стандартизацию и обеднение критериев оценивания, отсутствие диалектичности оценивания, мы приступили к изучению целого ряда характеристик мышления, названного нами социальным [5]. Социальным оно является именно потому, что связано с познанием социальной действительности и, отношений людей. Можно полагать, что отсутствие диалектичности этого мышления в предшествующую эпоху было связано с жесткой статичностью авторитарного общества [15]. Однако сегодня произошли радикальные изменения, сделавшие мир сложным, отношения противоречивыми, мнения - весьма разнообразными и повышено критичными. Возникла проблема, как перейти от прямолинейного, плоского, стереотипного мышления к диалектичному, проблемному. Поскольку трудно на данном этапе социального развития ожидать массового подъема уровня ценностных отношений, возникает потребность подвести людей к восприятию и осмыслению реальной сложности жизни, диалектичности ее оценивания. Отношения становятся все более жесткими, фиксированными уже не только по социальному, а и по экономическому критерию, в перспективе - более конкурентными. Развитие уровня мышления, по нашему предположению, могло бы помочь людям более адекватно делать свой социальный выбор, оценивать и свои возможности и сверхсложные условия социальной действительности с ее плюрализмом не только мнений, но и способов жизни и материальных достатков.

В исследовании социального мышления мы опирались на традиции известного направления *social cognition*, на традиции школы Пиаже, Кольберга, которые были творчески преобразованы в отечественных исследованиях морального и когнитивного развития ребенка (А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова и др.). Мы поставили задачу выявить границу между стереотипным уровнем сознания и собственно мыслительным, проблемным, как говорят обычно, творческим. Задачей исследования было проследить процесс возникновения проблемы, ее рождения из общих стандартных суждений, "общих мест" по поводу социальной действительности. Мы начали это исследование с некоторой социологической пробы, в которой большому числу людей предлагалось назвать пять самых актуальных с точки зрения каждого проблем.

На первый взгляд, прерогатива постановки глобальных проблем - удел политиков, глав государств. Однако достаточно образованное, информированное население нашего общества, интересуясь политикой, пытается осмыслить проблемы социальной действительности. С точки зрения теоретической, согласно С.Л. Рубинштейну,

способность к постановке проблем является наиболее общей характеристикой любого познания.

Эти разные случаи нуждаются в дальнейшем специальном исследовании, однако и без такового можно сразу сказать, что здесь очевидно разное ценностное начало переживаний человека. Возникновение переживаний в случаях осуществления принципа "рубашки, близкой к телу", является не особой заслугой личности, а скорее ее естественной реакцией на трудность собственных - узколичных проблем и ситуаций (хотя изучение показывает, что чаще всего острота переживаний блокирует их конструктивное осмысление). Другое дело, когда человек способен не остаться равнодушным к проблемам, не затрагивающим его благополучие, к проблемам других людей, проблемам человечества. Именно в таком отношении проявляется подлинный гуманизм личности.

Возвращаясь к результатам исследования, подробнее остановимся на зависимости социального мышления от особого личностного конструкта, который условно назван "я-общество". Этот конструкт представляет определенную структуру сознания, отражающую субъект-объектные или субъект-субъектные отношения. На первый взгляд эти категории чрезмерно абстрактны, чтобы с их позиций рассматривать структуру индивидуального сознания. Однако выше уже шла речь о вполне конкретном личностном следствии таких отношений - случае представлений учителя об ученике как об объекте. Кажется, что всюду, где имеет место общение, речь идет о субъект-субъектных отношениях. Однако С.Л. Рубинштейн в книге "Человек и мир" обрисовал возможный тип функционального прагматичного отношения к другому человеку, состоящий в использовании его как средства достижения своих целей. Это обесценение другого человека происходит и во многих других вариантах взаимоотношений с ним.

В одном из исследований [1] мы стремились выявить, как складывается у студентов оценка личности другого. Предложив всем поочередно участие в ролевой педагогической игре, мы требовали от каждого написать программу проведения семинара, на котором ему далее предстояло выступить в роли преподавателя. Один писал: "я поручу", "я дам", "я спрошу" и т.д. Второй писал: "он, может быть, не захочет", "он не поймет", "он откажется" и т.д., предполагая, что обращается не к безответному исполнителю, а человеку, наделенному волей, желаниями, наличием или отсутствием интереса к делу. Третий программировал возможное взаимодействие со сложными сослагательными наклонениями: "если он откажется, то я...", "когда он возразит, то я...". Таким образом, как опытный шахматист, он проигрывал в уме возможные ходы партнера. Несомненно, что второй и третий типы рассматривали своих будущих слушателей как субъектов, тогда как первый считал их объектами своих командных действий, исполнителями.

В последнем примере речь идет о признании или отрицании другого человека в качестве субъекта. Именно принятие другого человека в качестве объекта или субъекта определяет и тип взаимоотношений с ним: строятся ли эти отношения как проблемные, когда предусматривается возможность встречного ко мне отношения, другого мнения, не совпадающего с моим (и тогда-то должна быть решена проблема их "приведения к единому знаменателю", согласования), или они складываются стихийно, прагматически, т.е. я рассматриваю его как объект своих действий.

Наше совместное с Г.Э. Белицкой исследование выявило, что в структурах сознания личности запечатлена позиция личности по отношению к обществу в целом, ее некоторое обобщенное представление о своем месте в нем. Людям определенного типа общество представляется субъектом, т.е. некоторой решающей инстанцией, которой они привыкли подчиняться, - себя они рассматривают как объекты. Даже мысленно они не наделяют себя правом обсуждать приказы, сомневаться в необходимости их выполнения. Представители другого типа, мысля об обществе как субъекте, полагают и себя субъектом, наделенным правом самостоятельности, критичностью по отношению к обществу и т.д. Представители третьего типа, напротив, считая себя субъектом,

рассматривают общество как объект, т.е. некоторую обезличенную формальную систему. О себе же они мыслят как о деятелях, от активности, участия, роли которых зависит то, будет ли придан этой системе момент движения. Вероятно, так думают о себе некоторые политики, рассматривающие государственный аппарат средством в своих руках.

И наконец, последний тип является неким "нейтралом", который рассматривает и общество и себя объектно, т.е. формализованно, согласно принципу "я никому не нужен, но и никому не обязан". Именно последний тип и является полностью "стереотипизированным", т.е. действующим по стандартам, правилам, "беспроблемным".

Известно, что в классических методах - "локусе контроля" (Роттера) и фрустрации (Розенцвейга) - присутствует фактор поляризации на два типа - внешне и внутренне ориентированных, возлагающих ответственность на внешние обстоятельства или самого себя. Наши эмпирические данные вводят существенные дополнения к этим типам и этому фактору в целом. А именно благодаря нашей дифференциации вскрывается своеобразный психологический механизм конфронтации, противопоставления: моя позиция обязательно должна быть противоположна позиции другого; если он субъект, то я объект, и наоборот. Отсюда и альтернативность фактора ответственности - может быть ответственным или я, или он. Принцип проблемности социального мышления объясняет необходимость отказа от таких категорических суждений и выяснения действительного существа дела. Проблемность - это одновременно решение вопроса о характере ответственности - о праве действия, поступка и долге отвечать за его последствия. Наше исследование взаимосвязи проблемности мышления и социальной ответственности открывает следующую зависимость: учет проблемности мышления позволяет не сводить ответственность только к ответственности за результаты действий, даже вине за них, а рассматривать ее как предварительную обоснованность действий, как предотвращение негативных последствий, за которые пришлось бы расплачиваться в будущем. Ответственность оказывается в данном контексте связанной с предусмотрительностью, с гарантированием того, что обязательства будут выполнены.

В настоящее время в нашем обществе преобладает тезис "кто виноват", тогда как ответственность за то, что предстоит делать, чтобы не было виноватых, требует глубокого анализа, постановки и обсуждения, а затем решения социальных проблем, развития упреждающего социального мышления [5].

Если говорить о нравственном сознании нашего общества в целом, то в нем произошла явная поляризация людей по двум основным типам, что явилось следствием пережитой трагедии войны и тоталитарного режима. Одному типу оказалась свойственна преданность ценностям общества, доходящая иногда до самопожертвования, подлинно коллективное (в понимании Дюркгейма), т.е. над надындивидуальное сознание, не допускающее мысли о своем, особом интересе. Этому типу, как их называют в жизни - "честных", противостоял тип с индивидуально ориентированным "корыстным" сознанием. Но именно из-за того, что сознание первого было построено целиком на доверии обществу, а второго мало затрагивали проблемы общества, в целом сознание людей было некритично. Некритичное, "доверяющее" сознание вообще исключает принцип сомнения, альтернативность, потребность в проверке. Оно имеет констатирующий, приемлющий все как истину характер, исключает проблемность.

Впоследствии по мере расхождения между декларируемыми ценностями и реальностью, по мере распространения сознательной лжи и обмана возник особый синдром двойного сознания, при котором нечто убежденно утверждалось и столь же ясно подразумевалось, что это не так. Но и при таком характере сознания также исключался мотив проверки и поиска истины, поскольку все были связаны круговой порукой лжи. Последняя носила надындивидуальный общественно-ритуальный характер и имела своим мотивом сочетание стремления к личной выгоде, самосохранению и общественной необходимости. Проблемой, требующей работы сознания, оказалось не выяснение того, что есть на самом деле, а того, как высказать правду, чтобы не пострадать.

Неудивительно, что в обществе, где безнравственность практически стала нормой, появились люди, для которых достижение правды стало целью. Это положение вещей нашло отражение в глубоком исследовании Н.И. Лапина и группы социологов, показавших, что преобладающей ценностью (для населения России) является жизнь с чистой совестью.

Если бы дополнить это исследование психологическим изучением проблемы, то наверняка бы оказалось, что для одних чистая совесть -реальное жизненное состояние, тогда как для других - только идеал. Однако и вернуться к такому состоянию не так просто, как представляется, поскольку указанная выше двойственность индивидуального сознания породила процедуры обмана, с одной стороны, и проверки - с другой. В этом смысле в мышлении каждого человека начали возникать проблемы интерпретации слов, обещаний, поведения другого человека -необходимость выявления того, как есть на самом деле (в отличие от того, что говорится). Возникли особые процедуры сопоставления того, что говорится, и реальных поступков, повысилось внимание к мотивам партнера на предмет возможного обмана, выгоды. На самом деле в широком смысле гуманное, "бескорыстное" отношение к человеку является априори доверяющим, безусловно признающим ценность и подлинность другого человека и в этом смысле не требующим решения проблемы - каков он есть на самом деле?

Однако при возникновении противоречивых отношений, а также в случаях, когда необходима помощь другому человеку в разрешении его внутренних конфликтов, необходимо осмысление проблем взаимоотношений, проблем другого человека. В структуре индивидуального сознания, таким образом, ценности представлены в разном - осознаваемом и неосознанном качестве и по-разному связаны с реальным процессом мышления. Для некоторых ценности представляют собой своеобразные личностные опоры, которые дают человеку возможность остаться самим собой и сохранить свою позицию как ценностную при резких изменениях действительности. Они дают ему возможность осмыслять действительность при возрастании ее противоречивости благодаря цельности, устойчивости внутренней ценностной позиции. Но иногда ценности могут утрачивать свой личностный психологический смысл, особенно при размытии определенности внутренней и потере надежности жизненной позиции (при утрате своей идентичности, при возникновении многих идентичностей). Тогда необходима активная работа мышления, сознания для выработки новых ценностей, имеющих подлинный смысл.

Важнейшим механизмом, обеспечивающим ценностную направленность личности, служит упомянутая выше акцентуация ценностей, т.е. на простое их принятие, а утверждение в противоположность, "в противовес" другим ценностям или обществу как носителю других ценностей. Для человека нечто тем более ценно, чем более он благодаря этому нечто противопоставляет себя другим, обществу. Эта акцентуация, настойчивость иногда проявляется в своеобразной нравственной нетерпимости, агрессии в адрес носителей других ценностей. "Пусть я плохой, но не такой, как они", - подобные ценностные формулы позволяли обсуждать и осуждать других и порождали удовлетворенность осознанием собственных ценностей. Потребность обсуждать и осуждать, ханжество, распространившееся в нашем обществе, были психологическим возражением своеобразной ценностной несостоятельности людей, т.е. неспособности каждого самому переживать смысл собственных ценностей, безотносительно к другим. Ценностное отношение к другому человеку, строго говоря, начинается с признания его права на собственные ценности, с потребности понять свои проблемы.

На первый взгляд тезис об отношении к самому себе с позиций ценностного подхода представляется проповедью индивидуализма. На самом же деле, чем более человек рассматривает самого себя с позиций высших духовных ценностей, тем более широкую перспективу совершенствования своего отношения к другим он себе открывает. Нельзя выработать ценностное, доверительное, уважительное, возвышающее отношение к

другому, считая себя ничтожным, отрицая самоценность. В этом смысле противопоставление эгоизма и альтруизма в таком прямолинейном выражении себя исчерпало. Вероятно, вернее было бы сегодня говорить о разумном эгоизме, т.е. о разного рода компромиссах эгоизма и альтруизма. Должна быть разорвана порочная общественная связь людей, при которой унижение себя другими вызывало потребность унижать других.

Гораздо важнее понять психологическую природу оптимизма и пессимизма как ценностных механизмов. Пессимизм является психологическим состоянием, приводящим к обесценению, минимизации ценностей. Этот пессимизм не принимает описанных Ф.М. Достоевским крайних форм духовных кризисов, не ведет, как в некоторых странах, к самоубийствам. Он скорее сближается со скептицизмом, позволяющим разорвать свою идентичность с обществом путем критики последнего, оставив вне сферы критики свою собственную жизнь, ее ценности и смысл. Но именно цинизм, оказываясь преобладающим умонастроением молодого поколения, ведет к минимизации всех ценностей, и в том числе смысла их собственной жизни. Цинизм есть крайнее выражение пассивности людей, их реальной и ценностной исключенности из жизни и опасен своей готовностью к реализации антиценностей или антигуманных ценностей - жестокости и насилия. Чем более высокого духовного достоинства ценности удастся обрести человеку, тем менее он зависим от внешних обстоятельств, социальных "подкреплений" и тем большее влияние на судьбы и ценности других людей он способен оказывать. Чем ниже ценностный уровень спускается к ценностям обыденно-жизненным, тем больше человек вовлечен в зависимость от благополучно или неблагополучно складывающихся внешних условий жизни, тем меньше его потребность в ценностной работе сознания. Именно это следует иметь в виду при попытках духовного "обращения" человека.

Внутренний мир человека, так же как и личность в целом, обладает определенной тенденцией к стабильности, замкнутости. Периоды резких переломов связаны, как правило, с жизненными потрясениями и кризисами, которые изменяют сознание через решение жизненных задач, преодоление противоречий, а не только непосредственно через работу сознания, переоценку ценностей как таковую. Ценностно-нравственный склад личности и ее сознание представляют собой, по-видимому, относительно независимо друг от друга изменяющиеся образования в том смысле, что пока изменяется личность, ей до поры до времени служит опорой неизменность ее сознания, а изменения, происходящие в сознании, опираются на базисные структуры личности.

Такой высшей личностной структурой, связанной с жизненным путем, является семантический интеграл личности.

На первый взгляд, в качестве ценностей должны выступать предметы, удовлетворяющие потребности человека, в том числе, скажем, предметы культуры, удовлетворяющие духовные потребности человека. Однако из числа главных ценностей иногда исключаются те, которые связаны с самими субъектами ценностных отношений, а именно: потребность личности в самовыражении есть утверждение самоценности своего бытия, а самовыражение возможно только при условии признания меня другими людьми. Для того чтобы для меня была значима их оценка, я должна исходно признавать их ценность как субъектов. Кроме того, ценностную квалификацию приобретают для человека условия, при которых человек считает свои потребности удовлетворенными (он не хочет благосостояния путем потери чистой совести и т.д.). Одним из важнейших условий оказывается свобода, стремление к которой, задавленное тоталитарным обществом, сохранилось в рудиментарных формах в осознании права на личную жизнь, права пить и т.д.

Ценностную характеристику имеет не только связь потребности с предметом и условиями ее удовлетворения, а некоторые "заявки", притязания личности на способ удовлетворения потребностей, при котором она бы считала себя удовлетворенной, включающие представления о своих возможностях, своих правах, своем месте в обществе,

группе и т.д.

Самыми общими составляющими семантического интеграла являются *притязания*, характеризующие одновременно уровень требований как к результату и способу его удовлетворения (ценностному или потребительскому), так и адресату требований личности (к себе или к другим), т.е. ее ценностную направленность на способ удовлетворения потребностей, выбор критериев этого удовлетворения. *Удовлетворенность* фиксирует ситуативный или стратегический, ценностный или потребительский, гармоничный или противоречивый, иллюзорный или реалистический, компромиссный или принципиальный способ удовлетворения потребностей, что, в свою очередь, служит стимулом к дальнейшему повышению уровня активности и притязаний или их снижению. Будучи зависимой от притязаний, *саморегуляция* в широком смысле включает и рефлексию, и самоконтроль, и способность сочетать свои действия с другими людьми и способность к мобилизации в данный момент или промежуток деятельности всей психической активности. Здесь личность выступает в качестве "дирижера оркестра", в котором все ее динамичные и статичные качества и свойства должны достичь своего единства.

Семантический интеграл выражает найденный личностью в ходе своей жизни ценностный способ связи внешнего и внутреннего, ее способ соотношения с действительностью, включающий и тот или иной способ организации психики (например, интенсивный или экстенсивный способ использования своих психических ресурсов). Неудовлетворенные потребности компенсируются по принципу творческого либидо или фрустрируются, удовлетворенные - ведут ко все большему возрастанию ценности самореализации. В целом в семантическом интеграле неразрывно связаны притязания, способ саморегуляции и удовлетворенности. В семантическом интеграле мы находим реальные структуры личности данного типа и реальные способы ее функционирования во всей их уже фиксированной противоречивости, акцентуированности, фрустрированности или конструктивности.

Этот интеграл представляет собой своеобразную личностную интерпретацию своего способа жизни, включающую представление о своем месте в обществе (и своей ценности для него, для себя, для других), представление о своей профессиональной состоятельности-несостоятельности, перспективности, жизненную "приземленность" или, наоборот, идеалистичность. Эта интерпретация и есть основа сознания с его смыслообразующей (смыслоразрушающей в условиях отчуждения, блокады и т.д., потребностей) деятельностью.

Концепция семантического интеграла позволяет понять, как социальная неудовлетворенность и неуспешность ведет через саморегуляционную составляющую к разрушению "корневой" системы: повторяющиеся близкие к фрустрационным негативные эмоциональные состояния находят свое выражение в росте соматических заболеваний, в неадекватной тревожности, в психической дезадаптированности личности. А это, в свою очередь, подрывает способность личности к переводу своих проблем в теоретический, когнитивный план, где они могли бы получить достаточно беспристрастное решение.

Личность устанавливает иерархию и определяет значимость-незначимость событий и ситуаций не умозрительно, как это ей предлагается делать в психологическом эксперименте, а определенным образом организуя свою жизнь на основе своего ценностно-нравственного *склада*. Поэтому, скажем, некоторые люди вообще редко оказываются в критических с точки зрения нравственных критериев ситуациях, поскольку они заведомо не участвуют в "сомнительных" делах, не общаются с сомнительными людьми и т.д. Но их нравственная позиция при этом достаточно созерцательна и эгоцентрична. Другие, движимые мотивом "правдоискательства", активны в своих нравственных суждениях, но чаще ограничиваются осуждениями других или общества, т.е. выступают в роли судей, а не субъектов нравственных поступков. Третьи, не столь уверенные, стремятся выделить в своих отношениях с людьми моральные проблемы,

осмыслить их. Четвертые скорее переживают различные моральные ситуации и трудности, поскольку не имеют некоторых исходных категорических нравственных императивов, и не могут перевести их в теоретический план.

Поэтому одни и те же ситуации и события жизни, со стороны оцениваемые как ценностные, нравственные, для разных людей имеют разный *смысл*: у одних затрагивают ее совесть и нравственные переживания, у других вызывают работу морального сознания, мышления.

Смыслообразование есть личностная тенденция к индивидуализации, ее способность к интерпретации жизни, которая, однако, представляет собой не столько деятельность и даже не столько теоретически-сознательную, сколько ее экзистенциальную способность. Способность переживать жизнь и есть способность видеть смыслы ситуаций, событий, отношений, их как угодно причудливо соединять и разъединять, их негативно или позитивно оценивать, увеличивать их масштабы или преуменьшать, продлевать их во времени или "закрывать", выдвигать на первый или отодвигать на последний план. Но эта способность "питается", насыщается экзистенциально-онтологическим характером бытия субъекта, а не только идеально-когнитивным. Переживание - это способ психического воспроизведения личностью своей жизни, ее онтологическая категоризация. Однако вся мозаика смыслов организуется целостным отношением личности к жизни, т.е. глобальным смыслом жизни. Этот смысл воплощается в сочетании названных С.Л. Рубинштейном мировоззренческими чувств [13]. Ироническое, скептическое, циничное отношение к жизни уже означает отстраненность субъекта, снижающую уровень его активности, что, по-видимому, отражается не только в отрицательном модусе этих чувств - холодности человека, но в его бездеятельности.

Поэтому тот оптимистический вариант абстрактной универсальной для всех связи когнитивной, эмоциональной и деятельностной сфер в структуре личности, который часто имеется в виду, видимо, далек от реалий способа жизни разных людей. Отнюдь не всегда эмоции рационально регулируют деятельность в соответствии со столь же рационально выдвинутыми ценностями и целями. В жизненной реальности намеченные цели постоянно отодвигаются, утрачивают свою привлекательность (при всем осознании личностью их важности), теряют смысл. Здесь и возникают те самые жизненные, внутренние личностные проблемы, которые создаются не только объективными ситуациями, событиями и обстоятельствами, но самой динамикой душевно-духовной жизни личности и ее сложившейся организацией.

В свою очередь, переживание своей самооценки оказывается способом возвышения, возрастания жизненной активности. Самоценность, гармония через удовлетворенность ведут к возрастанию жизненных сил личности, ее духовной и душевной энергии. Структура личности, имеющая свою собственную композицию, как более совершенная внутренняя организация оказывается и более устойчивой, неподатливой к внешним и внутренним конфликтам, разрушительным жизненным силам.

Ценностный подход в психологии обладает одной особенностью: он позволяет увидеть личность таковой, какова она есть сейчас, и такой, какой она могла бы быть и будет. Он позволяет понять, чем она могла бы быть и не стала, какие тенденции в ней оказываются тенденциями роста и развития, какие - деградации. Ценностный подход предполагает отношение к личности как к субъекту, что пытался реализовать Дильтей в своей понимающей психологии. Изменение объектного видения личности на субъектный способ предполагает переход от констатации наличия тех или иных качеств, свойств (или отсутствия таковых) к прогнозу, интерпретации, оценке возможностей человека исходя из понимания его собственных тенденций, его отношений к миру, к личности другого типа.

Изучая разные типы личностей с точки зрения их семантического интеграла и семантических структур сознания, мы находим совершенно различные характеристики направленности сознания, его семантического пространства. У одного типа преобладает как бы единый вектор ценностей направленности - или на семью, или на профессию, тогда

как у другого существует целый спектр ценностей, которые, как говорилось выше, образуют определенные синтезы, вступают в определенные соподчинения, реализуются в определенной последовательности (как показало исследование В.Ф. Серенковой). Первый тип оказывается более устойчивым к социальным изменениям, к девальвациям ценностей. Но, если он теряет основную направленность, он теряет смысл жизни. Тогда как второй, которому удается синтез разных ценностей, обладает большей

пластичностью, жизненной маневренностью, при уничтожении одних он может опираться на другие ценности.

Сложной и неоднозначной является проблема осознанных и неосознаваемых ценностей. В силу того что прошедшая эпоха была совершенно уникальным экспериментом с человеческим сознанием, произошли разрушения осознаваемых ценностей из-за нарушения связей с их реальными психологическими переживаниями. Обесценение ценностей было вызвано не только их несоответствием реальности, но и их постоянным повторением, задалбливанием, навязыванием. Если понятия, обозначающие высшие ценности, уже утратили свой личностный смысл, их повторение не просто ведет к обесценению ценностей, но к разрушению самого принципа ценности. И вместе с тем некоторые ценности, даже абстрактные идеалы, удивительным образом легли на неосознаваемый душевный склад человека нашего общества, на его способность верить, благодаря чему в сознание долгое время не проникал скепсис, потребность в проверке, в доказательствах или опровержениях. Поэтому, с одной стороны, осознаваемые ценности, казалось бы, надежнее, обладают общезначимостью и потому могут удерживаться в сознании. С другой - они должны пройти проверку на прочность через их критическое опровержение, через их проблемное осмысление, о котором выше шла речь, тогда как ценности, слитые с непосредственным переживанием, оказываются наиболее подлинными и несомненными.

Вопрос о представленности ценностей в сознании является чрезвычайно важным и сложным. Всегда считалось, что высшие ценности должны быть осознаны, чтобы стать убеждением. Однако, как отмечает М.И. Воловикова, константность, стабильность некоторых нравственных норм и их неосознаваемый характер иногда становятся более надежной психологической опорой личности, чем нравственный релятивизм и мысленное противопоставление одних ценностей другим, что имеет место при осознанном выборе. Есть некоторые сокровенные ценности, о которых обычно не говорят, не обсуждают, не переосмысливают, но которые являются именно тем, что называется "богом в душе" человека, не в узкорелигиозном, а именно в духовном смысле. У каждого человека могут быть свои "святости" - образы близких людей, возвышенные переживания, заветные цели. Но именно они составляют душевную основу нравственности и "охраняют" человека от духа уныния, скептицизма и зависти.

С момента осознания ценностей они подвергаются критической работе ума и поэтому могут быть пересмотрены, минимизированы, отвергнуты. Чисто рациональное обоснование и сознательный выбор ценностных альтернатив имеет и серьезную негативную сторону. Нравственные ценности и нормы "переступаются" в уме, и тогда от их реального нарушения удерживает только логическое осознание негативных последствий. Именно поэтому важны результаты эмпирических исследований, в которых было показано, что развитие нравственных механизмов личности и ее сознания должно опережать развитие когнитивных, поскольку тогда личность оперирует "в уме" нравственными альтернативами не чисто умозрительно, а опираясь на свою совесть.

В связи с этими данными необходимо говорить о психологической опасности обесценения прежних ценностей без утверждения новых, опасности прямолинейного навязывания, а не органичного восстановления религиозных ценностей. Как отмечают социологи, сегодня существует потребность не столько в боге, сколько в вере. Необходимо напомнить о существовании определенного баланса в психической и личностной структуре, определенной последовательности, "логики" переходов и

взаимосвязей между сознанием, переживанием и действием. Прошедшая эпоха породила страшные ценностные "перевертыши" - нарушения этой логики, состоящие в том, что от мысли, лозунга, идеи прямо переходили к действию, минуя мотив, переживание его смысла, или совершали действие, наделенное чужеродным смыслом, внешней, навязанной ценностью. Специфическим порождением прошедшей эпохи была не просто ложь, которая существует в любом обществе, но ложь вдохновенная, воспевающая несуществующие ценности и, главное, имитирующая несуществующие чувства. Нельзя думать, что такие извращения порядка психических явлений могли пройти без последствий для ценностнопорождающей активности личности. Происходило размывание идентичности личности, утрата или смешение подлинных и мнимых ценностей и деструкция всего ценностного склада личности. Поэтому будущей эпохе еще предстоит возродить честное сознание личности, которая всерьез пытается выявить для себя противоречия, всерьез хочет их разрешить, а не снять подлинную противоречивость демагогическими, декларативно-ценностными, формально-ценностными построениями. Быть самим собой сейчас стало для многих синонимом нигилизму, циничной раскованности, тогда как быть самим собой, впитав в себя и переосмыслив все ценности общества, человеческой культуры и воплотив все это в жизнь, остается еще далекой перспективой.

Причиной исчезновения подлинной идентичности с самим собой и ценности самовыражения является выключенность человека из активной жизни, превращение его в наблюдателя. Это выключение было либо сознательным выбором личности, не принимавшей чужеродных ценностей, либо ее принудительным исключением из социально престижных, решающих сфер социальной жизни. Превращение масс людей в лиц слушающих, читающих и смотрящих (радио, книги, телевидение) при всей полезности этих занятий делало их созерцателями, согласно приведенной типологии. Известно, что переживания при чтении книг и того, что происходит с другими, при всей своей значимости не могут быть приравнены к тому, что мы испытываем, когда это происходит с нами в реальности, действительности. Выключенность, социальная безучастность лишала людей возможности приобретения ценностного социального опыта, полноценного испытания собственных сил, положительного опыта разрешения социальных конфликтов.

Превращение человека в подражателя, когда он только созерцает то, что происходит с другими, особенно подростков при воспитании посредством телевидения, нарушает вышеописанный порядок, последовательность психических явлений. Подросток, смотрящий фильмы ужасов, проходит психический путь, обратный тому, который имеет место в жизни, - от сильного чувства (ненависти, ревности и т.д.) к борьбе мотивов и к преступному поступку. От него оказывается скрыта первая сторона - внутренняя борьба, и на этой почве воспитывается извращенная потребность в совершении действия для переживания чувства насилия.

Такое же искусственное действие с сознанием производится, когда его достоянием насильственно делаются переживания, связанные с полом, которые для нормальной личности закрыты барьером стыда, недопущения в сознание. Есть круг явлений, которые нельзя переводить в план сознания без нарушения сложного естественного баланса, порядка психических явлений.

Подводя итоги, можно выдвинуть положение о необходимости защиты психики и личности человека, выявляя те звенья, где происходило разрушение самого эмоционального основания, истока ценностей. Когда дезавуированы прежние ценности общества, разрушена идентичность общества (его квалификация как социалистического остается неопределенной), разрушена привычная для личности гарантированность ее материального существования со стороны общества, началась приватизация не только собственности, но и личной судьбы, для личностей, образующих общество (а не общества как некоего безличного Левиафана), сегодня важно не столько нахождение новых

ценностей, сколько *новых смыслов*, которые бы отвечали внутреннему строю жизнеспособной части общества. Конечно, нахождение этих смысловых формул - дело очень сложное, особенно когда оно совершается в условиях бессмысленных экономических и социальных действий (денежной реформы, референдума и т.д.). Но чем более бессмысленны некоторые политические акции, подрывающие ценностную ориентацию многих членов общества, тем серьезнее становится требование необходимости создания некоторых переходных, осмысляющих связи прошлого, настоящего и будущего формул, которые были бы близки и понятны ценностному сознанию разных типов людей. Приобретает огромное значение осмысленность, обоснование, раскрытие смыслов множества реформ и преобразований, выявление их связей, последствий и причин для судеб людей. Только в этом случае ценностное сознание может спасти наше общество в условиях перехода от неудавшегося эксперимента к новому.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская К.А.* О путях построения типологии личности // Психол. журн. 1983. Т.4, №1. С. 24.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Проблема активности личности: Методология и стратегия исследования // Активность и жизненная позиция личности. М., 1988. С. 4-19.
3. *Абульханова-Славская К.А.* Активность и сознание личности как субъекта деятельности // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. М., 1989. С. 110-133.
4. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.
5. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991.
6. *Абульханова-Славская К.А.* Личностные типы мышления // Когнитивная психология. М., 1986. С. 154-171.
7. *Белицкая Г.Э.* Типология проблемности социального мышления личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
8. *Григорьев С.В.* Самовыражение и развитие личности в игре: (На материале традиционных народных игр): Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1991.
9. *Дементий Л.И.* Типология ответственности и личностные условия ее реализации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
10. *Жуков Ю.М.* Ценности как детерминанты принятия решения: Социально-психологический подход к проблеме // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.
11. *Йолова Х.Г.* Соотношение самооценки и некоторых компонентов умственных способностей: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1989.
12. *Кхол Й.* Соотношение индивидуального и типичного в мышлении // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. М., 1989. Т. 1. С. 172-180.
13. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев, 1981.
14. *Лефевр В.А.* От психофизики к моделированию души // Вопр. философии. 1990. № 7. С. 25-31.
15. *Мамардашвили М.К.* Проблема сознания и философское призвание // Там же. 1988. № 8. С. 37-47.
16. Перестройка и нравственность: Материалы "круглого стола" // Там же. 1990. № 7. С. 3-24.
17. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир: Проблемы общей психологии. М., 1973.
18. *Рубинштейн С.Л.* Из научного наследия // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989.
19. *Шрейдер Ю.А.* Человеческая рефлексия и две системы этического сознания // Вопр. философии. 1990. №7. С. 32-41.